

Чу Фэнцин слегка опешил. За окном красного особняка было озеро. Ветерок дул, и озёрная вода покрывалась рябью. Солнечный свет лился через окно. Цзи Юйцзинь сидел против света. Его красное одеяние запечатлелось в глазах Чу Фэнцина капля за каплей, а затем спряталось.

Его ресницы дрогнули, и он медленно опустил глаза, немного растерявшись, как ответить на это чувство. Он открыл рот, и оттуда вырвался мягкий женский голос. Затем он удивлённо закрыл рот.

Верно, теперь у него женская внешность и женский голос. Это было похоже на то, как если бы он носил маску. Хотя Цзи Юйцзинь знает это, он, возможно, просто любит эту маску, влюблён в его замаскированный голос и внешность — всё это было всего лишь маскировкой.

Чу Фэнцин нахмурился, а Цзи Юйцзинь, всё ещё подпирая подбородок рукой и неотрывно глядя на него, протянул руку, чтобы коснуться его лба.

Шершавые кончики пальцев нежно потёрли его бровь, возвращая его внимание этим пронзительным прикосновением. Цзи Юйцзинь бесстыдно сказал:

— Я знаю, ты, должно быть, всё время думаешь обо мне, незачем показывать это так очевидно.

Чу Фэнцин: «.....»

— Пойдём, я отведу тебя поесть чего-нибудь вкусного.

На этот раз Цзи Юйцзинь увёл его, даже не дожидаясь ответа. Экипаж уже ждал снаружи.

Цзи Юйцзинь помедлил, дойдя до ворот. Он повернул голову и взглянул на старую хозяйку, стоявшую рядом. Его взгляд был полон жестокости. Через некоторое время его красные губы медленно изогнулись. Он усмехнулся и медленно ушёл.

Брови старой хозяйки сильно дрогнули, холодный пот струился по её лбу, жадность в её глазах мгновенно исчезла, и она подмигнула в темноту, а затем головорезы, прятаясь в темноте, отступили.

Она лишь заметила, что Чу Фэнцин был довольно хорош собой и пришёл в такое место один, без сопровождающих стражников или служанок. Хотя его одежда казалась изысканной, она предположила, что он всего лишь падшая дочь из чиновничьей семьи. Вероятно, у неё не было добрых намерений, если она осмелилась прийти в такое место одна, так что у неё возникли дурные мысли.

Она понимала, что могут быть неприятности, но потом подумала, что с такой красавицей в её заведении она могла бы заработать состояние и затмить другие заведения. У неё также был кто-то за спиной. Она была в столице так долго, как же у неё могло не быть покровителя? Пока

это не был кто-то, кого нельзя провоцировать, в большинстве случаев она могла справиться.

Поэтому она впустила Чу Фэнцина и позвала своих головорезов на позиции. Позже она обнаружила, что собеседник вошёл в комнату Цзи Юйцзиня, и подумала, что это любовница какого-то чиновника в комнате. Хотя это было бы хлопотно, раз замешан чиновник, если она не сможет удержать её в заведении, она могла бы отправить его на юг, где его не найдут, и всё равно заработает состояние.

Но она никогда не представляла, что это была знаменитая Третья юная госпожа Чу. Она бы никогда не узнала, что этот предок на самом деле был человеком Цзи Юйцзиня. Если бы она знала, она бы не осмелилась сделать это, даже если бы ей дали сотню храбрости!

Старая хозяйка выглядела бледной как смерть и боялась, что на этот раз она оскорбила не того человека.

После того как они сели в экипаж, Цзи Юйцзинь потёр висок и полуприслонился к экипажу. На этот раз он выпил немного лишнего, и у него болела голова.

Он взглянул на Чу Фэнцина и бесстыдно придвинулся ближе. Прежде чем Чу Фэнцин успел среагировать, Цзи Юйцзинь уже лежал на его коленях, глядя на него парой лисьих глаз, очень бесстыдно, совсем как раньше.

Тело Чу Фэнцина застыло, и он сказал холодным голосом:

— Цзи Юйцзинь, ты... вставай.

Цзи Юйцзинь:

— Ц-ц, у меня болит голова, экипаж слишком жёсткий.

Чу Фэнцин уже собирался оттолкнуть этого человека, но тот медленно закрыл глаза. Он увидел тёмные круги под глазами Цзи Юйцзиня. Рука, которая толкала этого человека, сжалась в кулак, неловко повиснув сбоку. Он отвернулся и не смотрел на него:

— Ты знал, что у тебя будет болеть голова, но всё равно так много выпил.

Цзи Юйцзинь, казалось, угадал результат и незаметно изогнул свои красные губы. В следующий миг его губ коснулись холодные кончики пальцев. Он медленно открыл глаза и увидел, что Чу Фэнцин хмурится, прижимая к его губам маленькую пилюлю.

— Средство от похмелья.

Цзи Юйцзинь на мгновение опешил. Возможно, его взгляд был слишком обжигающим, и собеседник почувствовал себя немного неловко. Он двинул рукой и немного отдернул пилюлю. Возможно, он почувствовал, что кормить его напрямую было несколько неуместно, и захотел положить пилюлю в его руку. Когда Цзи Юйцзинь заметил это, он сказал:

— У меня грязные руки. Я касался туфель, когда садился в экипаж только что.

Цзи Юйцзинь:

— Покорми меня.

Чу Фэнцин: «.....»

— Цзи Юйцзинь... ты негодяй?

Цзи Юйцзинь улыбнулся:

— Тогда разве меня не будут все винить?

Чу Фэнцин не стал с ним спорить и скормил ему лекарство.

Цзи Юйцзинь удовлетворённо снова закрыл глаза. Ему всегда казалось, что Чу Фэнцин пахнет приятно и прохладно. Хотя Чу Фэнцин был одет в толстую одежду, ему всегда казалось, что дыхание Цзи Юйцзиня может проникнуть сквозь лисий мех, и этот кусочек кожи казался немного горячим. Чу Фэнцин поджал губы и посмотрел в окно. Его мочки ушей снова покраснели.

Он с досадой коснулся их руками, гадая, что с ним происходит в последнее время.

Голова Цзи Юйцзиня была полна мыслей, он думал о том и о сём, прохладный запах, задержавшийся в его носу, должно быть, был слабым запахом лекарств, и он не знал, было ли это потому, что Чу Фэнцин часто принимал лекарства, или потому, что у него всегда были при себе разные виды лекарств.

Думая об этом, сердце Цзи Юйцзиня пропустило удар. Императорский лекарь сказал, что его здоровье слишком слабое и за ним будет трудно ухаживать, а его пульс не указывал на то, что он проживёт долго.

Цзи Юйцзинь больше не мог лежать спокойно и резко сел. Встретив озадаченный взгляд Чу Фэнцина, он заставил себя подавить своё беспокойство. Он уже послал людей искать различных чудо-лекарей, но сколько из тех, кто называл себя чудо-лекарями, не просто искали славы?

Он протянул руку и коснулся руки Чу Фэнцина, и в следующий миг его лоб запульсировал:

— Почему у тебя такие холодные руки?

Чу Фэнцин коснулся своего лица тыльной стороной ладони. Оно казалось немного холодным, но это было нормально. Редко когда его руки были тёплыми зимой.

Цзи Юйцзинь зажёл уголь внутри экипажа, плотнее закутал Чу Фэнцина в лисий мех и спросил:

— Может, вернёмся домой поесть? На улице холодно, я попрошу повара прислать блюда обратно.

Чу Фэнцин моргнул и сказал:

— Не нужно беспокоиться. Мне не холодно.

Цзи Юйцзинь посмотрел на него и, видя, что он настаивает, пошёл на компромисс. Он попросил кого-то пойти и заказать отдельную комнату в закусочной, чтобы зажечь уголь.

С другой стороны, как только экипаж этих двоих отъехал, в Красном Особняке раздались душераздирающие крики и вопли. Люди внутри выбегали как сумасшедшие, а люди снаружи вытягивали шеи, чтобы заглянуть внутрь, обсуждая это дело. Было много разговоров, и никто не знал, какого большого шишку оскорбил сегодня обычно деспотичный Красный Особняк.

Они прибыли в закусочную, и Цзи Юйцзинь заказал все блюда, которые ему нравились. Им не пришлось долго ждать, пока все блюда были поданы. Цзи Юйцзинь посмотрел на блюда и увидел, что одно из них было украшено измельчённым арахисом. Он нахмурился и попросил кого-то убрать его.

Чу Фэнцин открыл рот и хотел что-то сказать, но проглотил это. Цзи Юйцзинь двигался так быстро, что он даже не заметил проблемы.

Цзи Юйцзинь уже почти всё съел, так что он просто смотрел, как ест Чу Фэнцин. Чу Фэнцина строго контролировали в еде с детства, поэтому у него всегда была одержимость едой, но он не ел много, или можно сказать, что из-за своего физического состояния его аппетит был меньше, чем у обычных людей.

Он откусывал понемногу от каждого блюда и быстро наелся. Цзи Юйцзинь не мог на это смотреть и нахмурился:

— Ты что, кошка? Даже котята едят больше тебя. И ты что, перешёл в другую веру? Почему не

ешь мясо?

Он говорил, подкладывая ему кусочек курицы. Ломтик был довольно тонким, но как бы он ни был приготовлен, он совсем не был сухим, только нежным и сочным.

— Неудивительно, что ты такой худой. Вкусно, попробуй?

Начав, он уже не мог остановиться. Ему всегда казалось, что Чу Фэнцин ест слишком мало, неудивительно, что у него плохое здоровье. Вскоре его миска была полна, но Цзи Юйцзинь всё ещё не был удовлетворён. Он хотел навалить еду горой, словно тот должен был доесть всё, что положили в его миску.

Чу Фэнцин поджал губы, взял миску горячего супа и начал пить его маленькими глотками. Горячий суп придал его бледным губам немного больше цвета, делая его ещё более потрясающе красивым.

Через некоторое время он посмотрел на миску с едой и моргнул:

— Ты в предыдущей жизни был строителем?

Цзи Юйцзинь сначала не понял и воскликнул:

— А?

Лишь когда он увидел слабую улыбку в уголке губ Чу Фэнцина, он понял, что собеседник дразнит его.

Цзи Юйцзинь провёл кончиком языка по нижним зубам. Наблюдение за его выражением лица вызвало у него зуд беспокойства, и злая мысль всплыла в его голове. Ему и впрямь хотелось прижать его и мучить, заставляя плакать, пока он не сможет издавать ни звука и сможет лишь смотреть на него красными глазами.

Ц-ц, тогда пусть он умрёт; погибнуть под цветами пиона всё равно было бы романтично, даже будучи призраком. Древние и впрямь никогда не ожидали от него такого.

Чу Фэнцин не знал, что голова собеседника была полна отвратительных мыслей. Он просто чувствовал, что стыдно подводить чужую доброту, поэтому снова взял палочки и начал есть понемногу. Но он чувствовал, что если не доест то, что уже съел, это будет потрачено впустую, а ему не хотелось тратить такую хорошую еду.

Когда Цзи Юйцзинь пришёл в себя, тот уже съел полмиски еды. Цзи Юйцзинь быстро выхватил у него палочки. Глядя на полусъеденную миску еды, он не знал, смеяться или плакать:

— Ты всё ещё ешь, когда сыт, а что, если заболеешь?

Чу Фэнцин нахмурился и посмотрел на него, его глаза были полны: «Ты что, неразумный?» Ест он или нет — всё неправильно.

Цзи Юйцзинь тоже чувствовал, что он немного невротичен. Он хотел, чтобы тот ел, но боялся, что он заболееет. Он потёр брови, одновременно обеспокоенный и сбитый с толку. Он не понимал, что это значило раньше, но теперь наконец понял это до конца.

Цзи Юйцзинь взял его миску и быстро доел еду в ней. Чу Фэнцин хотел окликнуть его, потому что это было то, что он уже ел...

Когда Цзи Юйцзинь увидел его таким, он понял, о чём тот думает. Он улыбнулся и подумал: «Они уже целовались, так с чего бы ему жаловаться на это?»

Но он не осмелился сказать это, потому что боялся, что собеседник разозлится, хотя Чу Фэнцин выглядел очень мило, когда злился.

Через несколько дней Чу Чжэньинь, находившийся в камере, наконец кое-что вспомнил, и в момент ясности он наконец рассказал, что попросил кого-то отвезти улики на юг и оставить их в эскортном агентстве.

Чу Чжэньинь предвидел этот день, но он был честен и достоин небес наверху и земли внизу. Занимая эту должность, он должен был делать то, что подобает этой должности, поэтому, несмотря на опасность, он всё же расследовал это дело частным образом. Как раз когда он уже добился некоторого прогресса, дело было раскрыто, и оно затянулось до сих пор.

Чу Чжэньинь вздохнул, его глаза потускнели. Он был верен императору всю свою жизнь, но закончил так лишь из-за нескольких клеветнических слов злодея.

Он посмотрел на своего сына и задал вопрос, который был у него на сердце:

— Фэнцин, почему ты всегда одеваешься как женщина?

Тело Чу Фэнцина напряглось, и его зрачки слегка дрогнули. Его отец поступал честно, но он также был очень старомоден и придавал большое значение этикету. Он боялся, что тот не сможет принять то, что он сделал.

Он сжал губы, опустил глаза и не осмелился встретить его взгляд, оправдываясь тем, что это было лишь для того, чтобы легче проникать в тюрьму.

Чу Чжэньинь плотнее запахнул его лисью меховую накидку, боясь, что он простудится:

— Не приходи сюда больше. Здесь душно и холодно. У тебя слабое здоровье, и ты легко можешь простудиться. К тому же этот наряд... и впрямь невежлив. Благородный муж должен одеваться подобающе.

Глаза Чу Фэнцина дрогнули, и он мягко сказал:

— Да.

Чу Чжэньинь коснулся головы своего сына. Он чувствовал, что наряд его сына был неправильным.

— Тебе нужно лично отправиться в Цзяннаньское эскортное агентство. Путь долгий и трудный. Будь осторожен в дороге.

Чу Фэнцин:

— Отец, не волнуйся.

Эскортное агентство признавало только две вещи: одну — Чу Фэнцина, и другую — памятный предмет. Только когда оба будут в наличии, оставленные на хранение вещи могут быть переданы ему. Он предотвратил такую ситуацию, поэтому попросил эскортное агентство запомнить внешность Чу Фэнцина. Что касается памятного предмета, он был у его старого друга, и Чу Фэнцин мог пойти и забрать его, так что Чу Фэнцин должен был совершить эту поездку.

Чу Фэнцин:

— Отец, ты знаешь, кто за этим стоит?

Глаза Чу Чжэньиня потемнели, словно он не хотел, чтобы Чу Фэнцин знал:

— Фэнцин, тебе больше не нужно беспокоиться обо мне. Позаботься о своей матери и Иньинь и покинь столицу.

Он помедлил, на мгновение задумался и сказал сквозь стиснутые зубы:

— Сходи в Цзяннаньское эскортное агентство, забери предмет и уничтожь его.

В прошлом он чувствовал, что вещи всегда нужно судить по правильности и неправильности, и

что люди, поступающие неправильно, после этого инцидента почувствуют, что нет ничего важнее безопасности их жён и детей. Уничтожив эти вещи, дело будет временно завершено.

Чу Фэнцин нахмурился:

— Мать и Иньинь в безопасном месте, тебе не нужно волноваться, я обязательно спасу тебя.

Чу Чжэньинь покачал головой:

— Фэнцин, отец уже достаточно стар, а ты ещё молод, у тебя впереди ещё много времени. Тебе не нужно тратить его здесь. Я не могу одолеть того, кто стоит за кулисами, в одиночку. Если ты потеряешь жизнь, твоя мать, вероятно, будет винить меня до конца своей жизни.

С этими словами его глаза смягчились. Он погладил лицо Чу Фэнцина и сказал:

— Пока вы все в безопасности, отцу больше ничего не нужно.

Как только он закончил говорить, он вдруг почувствовал, будто игла пронзила его мозг. Боль была такой сильной, что он покрылся холодным потом. Чу Фэнцин поспешно проверил его пульс, но в следующий миг Чу Чжэньинь снова не мог узнать его и тупо уставился в одну точку.

Чу Фэнцин сжал кулак, вытер холодный пот со лба отца платком и тихо сказал:

— Отец, дай мне ещё немного времени.

Что не осознали ни один из них, так это то, что в углу прятался тюремщик, и он подслушал весь их разговор.

<http://bllate.org/book/17231/1616650>